

ЗОЛОТОЕ ШИТЬЕ ИЗ НЕКРОПОЛЯ НА МЕСТЕ УМРЕВИНСКОГО ОСТРОГА¹

Статья посвящена описанию и анализу технологических и функциональных особенностей золотого шитья из элитарного детского погребения на территории Умревинского острога. Этот комплекс имеет целый ряд специфических отличий (особая конструкция гроба и остатки шитой металлической нитью одежды), позволяющих отнести захоронение к представителям элиты Российской империи рубежа XVIII–XIX вв. Энергодисперсионный анализ состава металла покрытия нитей для шитья позволил выявить его сплав на основе серебра и золота с незначительной примесью меди. Проведенные исследования серии образцов установили вариации в содержании драгоценного металла в нитях, что свидетельствует об использовании престижного швейного материала различного происхождения. Исходя из технологических особенностей исполнения покрытия, нити для шитья металлом в виде спирально скрученной плоской ленты на шнуре можно атрибутировать как «канитель». Золотое шитье является частью отделки ворота, расположено также по полам и обшлагам мундира. Декор представлен несколькими элементами: «елочками», «колосьями», шестилучевыми звездочками. Сохранилась фрагментарно и тканевая основа мундира красного цвета. Эта одежда, судя по отсутствию находок пуговиц, была распахной. Разнообразие декоративных элементов шитья явно соответствует престижному статусу мундира. Учитывая такие особенности золотошвейной отделки, верхняя одежда погребенного ребенка могла быть неуставной. Тем не менее находка деталей золотого шитья форменной верхней одежды в детском погребении соответствует общей традиции детского мундира, распространенной в русской культуре с начала XVIII столетия.

¹ Исследование выполнено в рамках Госзадания Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук № FWZG-2022-0005.

Такая находка для Верхнего Приобья является одним из первых свидетельств распространения моды на форменную одежду для юных представителей привилегированного сословия горнозаводского ведомства, к которому относились остроги и их округа в Верхнеобском регионе.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: золотое шитье, форменная одежда, Умревинский острог, Верхнее Приобье, горнозаводское ведомство, Российская империя.

The article is devoted to the description and analysis of the technological and functional features of the gold embroidery from an elite children's burial on the territory of the Umrevinsky Ostrog. This burial complex has a number of specific differences (a special design of the coffin and the remains of the clothing sewn with a metal thread), which make it possible to attribute this burial to the representatives of the elite of the Russian Empire from the turn of the 18th — 19th centuries. The energy dispersive analysis of the composition of the metal coating of sewing threads revealed its alloy based on silver and gold with an insignificant admixture of copper. The conducted studies of a series of samples have established a different amount of precious metal, which indicates the use of prestigious sewing material of various origins. Based on the technological features of the execution of the coating of the thread for sewing with metal in the form of a spirally twisted flat ribbon on the cord, which can be attributed as a "gimp". Gold embroidery, revealed in a child's burial, is part of the decoration of the collar, hemline and cuffs of the uniform. The decor is represented by several elements: "herringbones", "wheat ears", six-pointed stars. Fragments have also survived of the fabric base from the red uniform. These clothes, judging by the lack of button finds, were swing-out. The variety of decorative elements of the sewing clearly corresponds to the more prestigious status of the uniform. Based on such features of the gold embroidery decoration, the outer clothing of the buried child might not be statutory. Nevertheless, the finding of details of the gold embroidery of uniform outerwear in a children's burial corresponds to the general tradition of a children's uniform that has spread in Russian culture since the beginning of the 18th century. Such a find for

the north of the Upper Ob Region is one of the first evidences of the spread of the fashion for uniforms among young representatives of the privileged class of the mining department, to which the ostrogs and their districts in the Upper Ob Region belonged.

KEY WORDS: Gold embroidery, uniforms, Umrevinsky Ostrog, Upper Ob Region, mining department, Russian Empire.

ВВЕДЕНИЕ

Предметный комплекс элитарных погребений отличается целый ряд устойчивых признаков. Среди них: специфичность погребальных сооружений; избыточность и разнообразие сопроводительного инвентаря; престижные изделия; использование статусной отделки вещей; драгоценные материалы; отражение в предметах социальных и исторических особенностей своей эпохи. Все эти признаки в полной или частичной мере представлены в археологических комплексах. На престижной и статусной одежде одно из проявлений элитарной принадлежности — это золотое шитье [Бабушкина 2003; Козлякова, 2009; Орфинская, Лантратова, 2014; Ковтун, 2017; Яковчик, 2017; Сапрыкина, 2018], являющееся не только важным историческим, но и технологическим источником. В XVIII–XIX вв. золотое шитье в России утрачивает преимущественную связь с ритуальной сферой (богословием) и развивается под влиянием художественных стилей светского искусства и основных социальных трендов [Ковтун, 2017, с. 73]. Одним из них с петровского времени является мундир, в отделке которого начинает активно использоваться золотое шитье. Декоративные фрагменты такой одежды были зафиксированы в элитном детском погребении на сельском некрополе, сформировавшемся на месте упраздненного Умревинского острога (Мошковский район Новосибирской области) [Бородовский, Горохов, 2009, с. 69] (см. рис. 1).

Детское погребение К (49) с золотым шитьем (см. рис. 2, 1) на месте Умревинского острога находилось в конгломерате захоронений, объединяющем могилы Г (44) и К (49). Длинной осью могильная яма была ориентирована с востока на запад. Погребение впущено в край слоя строительного мусора сгоревшей жилой конструкции в центре острога. Размеры могильной ямы от материковой поверхности составляли $1,2 \times 0,45$ м, глубина от материковой поверхности — 0,4 м, размеры деревянной внутримогильной конструкции — $1,03 \times 0,35$ м. Гроб имел железные подквадратные скобы в изголовье и ногах погребенного, на этих участках были также обнаружены железные кованые гвозди (см. рис. 2, 1). Размеры железной скобы в изголовье составляют 0,3 м, в ногах — 0,15 м. Вся погребальная конструкция была сильно завалена на

правый бок. Это произошло вследствие постепенного проседания ее в рыхлый грунт конгломерата соседних захоронений. В могиле находился скелет ребенка младенческого возраста. Он лежал вытянуто на спине, ориентирован головой на запад. Руки были скрещены в области груди. В районе бедер, запястий и груди погребенного обнаружены фрагменты верхней наплечной распашной одежды, расшитой нитью с металлическим покрытием (см. рис. 3).

*Рис. 1. Расположение Умревинского острова:
1 — Новосибирская область на карте Евразии; 2 — Мошковский район
Новосибирской области*

Рис. 2. Элитарное детское погребение с золотым шитьем в некрополе на месте Умревинского острога

Орнаментальные детали вышивки мундира (рис. 2–4) были выполнены металлическими кручеными нитями диаметром 1 мм. Елочкообразная вышивка

имела ширину до 5 мм. Шитье было с окончаниями в виде «колосьев» длиной до 1,5 см. Детали вышивки представлены тремя симметричным «колосьями», шестилучевыми и пятилучевыми звездочками из «колосьев». Шитье имело длину до 1,5 см. Отделка этой верхней одежды была представлена также толстыми сплетенными жгутами шириной 1–2 мм и плетеной тесьмой (сутажем) шириной 3–4 мм (см. рис. 5). Расположение на погребенном всех этих элементов шитья соответствует вороту (см. рис. 3, 1), полам (см. рис. 3, 2), обшлагам (см. рис. 3, 3) верхней одежды. Такая одежда, очевидно, была распашной и соответствовала кафтану или камзолу, по какой-то причине не имевшему металлических пуговиц.

На костях детского скелета в области ребер были обнаружены фрагменты войлочного материала темного цвета. Под одним из таких фрагментов лежал медный крестик с остатками плетеной нити в цельной литой проушине. На костях ног ребенка сохранились остатки кожаных сапог. С левой стороны от черепа младенца под тленом от досок гроба находилась монета («сибирка») 1767 г.¹ (рис. 2, 2) [Бородовский, Горохов, 2009, с. 56]. Она располагалась вверх вензелем императрицы Екатерины II. Такой нумизматический материал принадлежал, скорее всего, не к сопроводительному инвентарю погребенного или закладной монете [Там же, с. 50], а к культурному слою сгоревшей жилой конструкции в центре острога [Бородовский, 2020, с. 231]. Здесь было обнаружено значительное скопление нумизматического материала [Бородовский, Горохов, 2009, с. 169, рис. 57]. При этом самая поздняя «реперная» монета на пожарище в центре сруба жилища относилась к 1797 г. [Бородовский, 2021, с. 373]. Учитывая расположение монеты 1767 г. (см. рис. 2, 2, 5) под деревянной конструкцией элитарного детского захоронения, ее следует относить к культурному слою пожарища жилой конструкции в центральной части Умревинского острога, в который позднее было помещено это погребение. В свою очередь, такой стратиграфический контекст позволяет относить этот погребальный комплекс к концу XVIII в. или к рубежу XVIII–XIX столетий. В этот период жилое сооружение на центральной площадке острога после пожара уже не существовало, а его территория стала активно осваиваться сельским кладбищем.

Следует заметить, что металлические скобы на деревянной погребальной конструкции (см. рис. 2, 1) из этого детского захоронения имеют определенные аналогии с многоразовыми гробами, известными в Австрийской империи с 1784 по 1825 г., образцы которых экспонируются в Музее похоронных принадлежностей в Вене (Bestattungsmuseum Wien). Эта специфика погребального вместилища также не противоречит выше приведенной датировке захоронения.

¹ В более поздних публикациях [Горохов, Бородовский, 2018, с. 126, рис. 3, 5; Бородовский, Горохов, 2020, с. 121, рис. 20, 5] ошибочно приведена другая монета 1769 г.

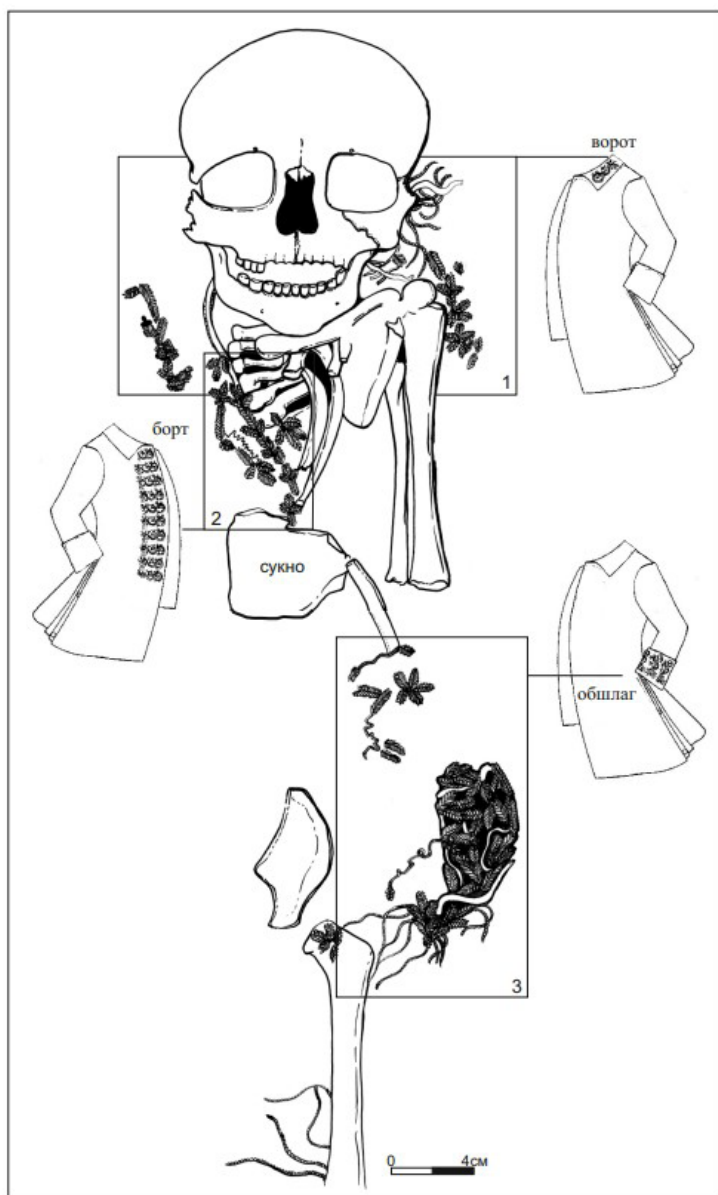

Рис. 3. Золотое шитье в погребении и его элементы:
1 — ворот; 2 — борт; 3 — обшлаг

Анализ состава металла нитей для шитья верхней одежды из детского погребения «К» у южной стены сгоревшего жилого сооружения в центральной части Умревинского острога был выполнен энергодисперсионным методом (мультиэлементный анализ) на сканирующем микроскопе Hitachi с 30-кратным увеличением, который проведен М. М. Игнатовым, специалистом лаборатории изотопных исследований “Alstopes” Института археологии и этнографии Си-

бирского объединения Российской академии наук. Для определения состава металла таких нитей было проведено шесть замеров в различных точках двух образцов металлических нитей. На основании этих измерений удалось выявить значительную неоднородность сплава металлического покрытия нити. Если для первой нити (см. рис. 6) было характерно наличие серебра от 99,4% до 86%, золота от 0,4% до 13,8%, меди от 0,25% до 0,8%, то для второй нити (см. рис. 7) соотношение в сплаве различных металлов было несколько иным. Серебро составляло от 86,5% до 56,4%, золото — от 40% до 12,5%, а медь — от 1,9% до 3,6%. Нити с металлическим покрытием получены путем плотного спирального обкручивания тканевой основы тонкими металлическими полосками в S-направлении. Угол навивки был острый, сама навивка плотная. В качестве сердечника каждого из образцов использовалась некрученная нить в виде пучка отдельных ничем не скрепленных тонких нитей. Ширина металлической ленты первого образца нити составляет 5000 микрон (см. рис. 6). Первый образец простого шнура, на который была намотана металлическая лента «канители», имел диаметр до 4000 микрон. Второй образец простого шнура как основы металлической «канители» имел диаметр 6000 микрон. Ширина металлической ленты второго образца нити составляет 4000 микрон (см. рис. 7). При этом, если для первого образца нити с металлическим покрытием характерно неплотное обкручивание полосок металла вокруг шнура-основы (см. рис. 6), то для второго образца нити, покрытой металлом, присуще очень плотное накручивание металлической полоски на шнуровую основу (см. рис. 7).

Лицевая сторона металлических полосок двух образцов достаточно ровная с незначительным количеством заломов и заусенец по краям. Сами золотошвейные нити можно атрибутировать как мягкую «канитель» [Бабушкина, 2003, с. 13], основной специализацией которой является «растительная» вышивка, представленная в детском погребении на некрополе, возникшем на месте Умревинского острога.

ШИРИНА	1 мм	5 мм	1,5 см	1,5 см	1,5 см	1,5 см	1,5 см
ВИДЫ ВЫШИВКИ							

Рис. 4. Элементы узора золотого шитья

ОБСУЖДЕНИЕ МАТЕРИАЛОВ

В качестве технологических аналогий шитья с использованием металлических нитей из детского погребения К (49) на месте Умревинского острога можно привести несколько примеров (восемь образцов) из других археологических комплексов. В частности, шесть образцов шитья металлическими нитями одежды (трех кафтанов, охабня и зипуна) из североселькупского могильника Кикки-Акки (Красноселькупский район Ямало-Ненецкого автономного округа), датируемого XVII–XIX вв. [Мультидисциплинарное исследование... , 2021]. В качестве сердечника у этих нитей с металлическим покрытием также использовался пучок ничем не скрепленных тонких нитей, обкрученных тонкими металлическими полосками в S-направлении. Состав металла покрытия этих нитей, определенных по методу РФА, представлен серебряной основой (от 96,3–85,5% до 88,8–59%), а также небольшим количеством золота (от 5,2–0,82% до 28,2–1,6%) и меди (от 9,25–1,16% до 5,7–0,4%) на поверхности. Исследование химического состава с помощью EDS-метода на данных участках зафиксировало повышенное содержание золота (60,6–74,9%), пониженное содержание серебра (4,8–10%) и меди (8,2–8,4%).

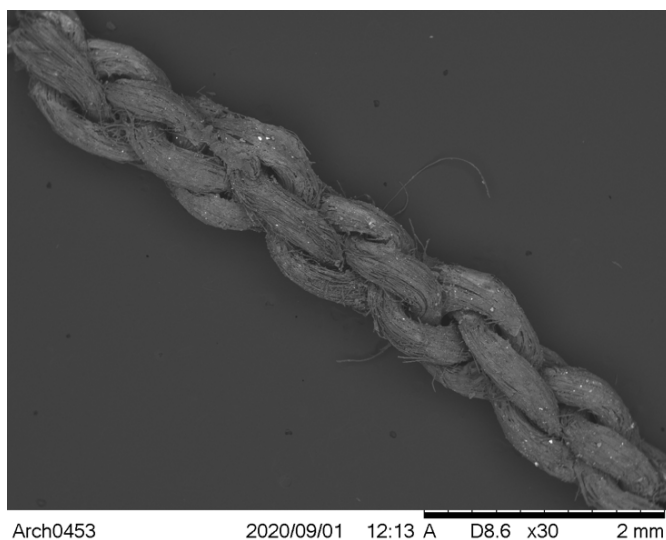

Рис. 5. Сутаж из отделки верхней одежды (30-кратное увеличение)

Другим примером являются золотые нити с декоративного шнура из погребения 1 кургана 20 курганной группы Черноморка-2 (с. Алексеевка Лазаревского района Краснодарского края) из раскопок А. В. Дедулькина. Этот погребальный комплекс относится в XVII–XVIII вв. Два образца металлических нитей, накрученных на тканевую основу, были проанализированы инженером-оператором М. М. Игнатовым лаборатории изотопных исследований “Alstopes” Института археологии и этнографии Сибирского

отделения Российской академии наук. Исследования велись на электронном микроскопе Hitachi TM-3000 с приставкой энергодисперсионного анализа Bruker Quantax 70 при увеличении в 300 раз. По результатам изучения было установлено, что основой пластинчатой металлической нити являлось серебро (87,19–88,79%) с позолотой (12,4–11,21%).

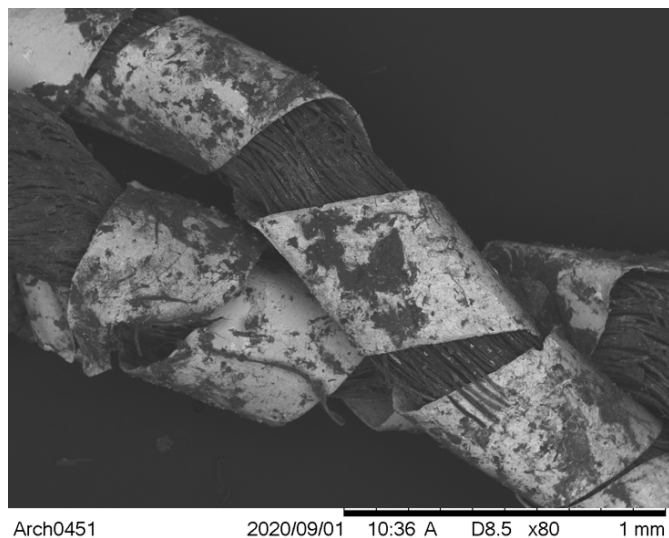

Рис. 6. Металлическое покрытие первого образца золотой нити (80-кратное увеличение)

Отличие приведенных для сравнения металлических нитей (Кикки-Акки, Черноморка-2) заключается в более значительной доле серебра (от 56,4% до 99,4%) и золота (от 12,5% до 40%), использованной для позолоты «канители» из некрополя на месте Умревинского острога. Высокое качество металлических нитей для шитья из детского погребения на месте Умревинского острога подчеркивается и очень небольшим содержанием меди в ее составе (от 1,9% до 3,6%).

Следует подчеркнуть, что максимальное количество серебра в сплаве металлического покрытия умревинских нитей близко к 999 пробе. Такие характеристики сплава серебра близки к высококачественному ювелирному материалу (960 пробы), который позволяет наиболее эффективно работать. Второй составляющей сплава является золото, количество которого также в различных образцах еще более существенно отличается — от 0,4% до 40%. Это количество золота в сплаве, кроме своей функции как позолоты, близко в своих максимальных значениях к составу электрума (45–55%). В связи с такими материаловедческими особенностями можно заметить, что умревинская «канитель» по составу и качеству металла близка к наиболее ранним образцам таких изделий, поскольку после XVI в. употребление золота в вышивке становится достаточно редким и происходит активное внедрение позолоченного серебра [Бабушкина, 2003, с. 13].

Металлическое шитье для мундиров в России получило распространение во второй половине XVIII в. у высших армейских чинов, казачества и учащихся профессиональных заведений. В 1764 г. появилась особая генеральская форма с золотым или серебряным шитьем. Чины отличались по обилию орнамента: у бригадиров шитье представляло одну линию лавровых листьев, у генерал-майоров — два ряда, составлявших как бы гирлянду, у генерал-поручиков — две гирлянды, у генерал-аншефов — две гирлянды с половиной, у фельдмаршалов добавлялась еще расшивка по швам рукавов спереди и сзади и по швам кафтана на спине. Эти мундиры считались парадными, повседневные мундиры были без шитья [Глинка, 1988, с. 31, 33]. Доступности золотого шитья на мундирах в России в XVIII столетии способствовало появление в Москве в 1785 г. первой золотоканительной фабрики [Бабушкина, 2003, с. 13].

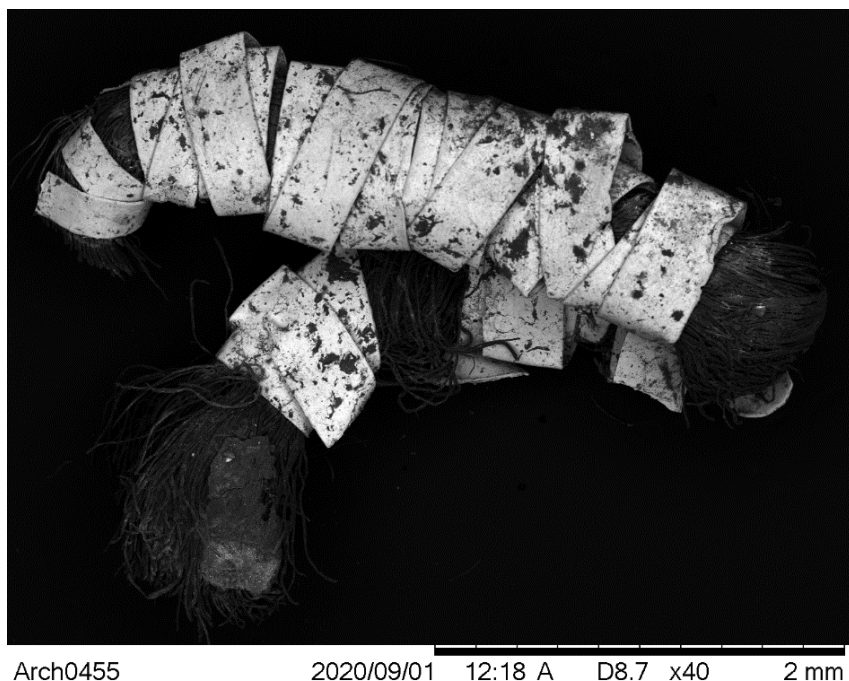

Рис. 7. Металлическое покрытие второго образца золотой нити (40-кратное увеличение)

Значительные нововведения в золотом шитье военных мундиров произошли в начале XIX в. Генерал-адъютантам в 1802 г. был дан темно-зеленый мундир общего покроя с красным воротником и обшлагами, украшенными золотым шитьем особого орнаментального рисунка, появившегося еще при Павле I [Глинка, 1988, с. 56–57]. С 1802 по 1808 г. армейские саперы, минеры и пионеры были обмундированы по образцу пешей артиллерии, но с серебряным прибором [Там же, с. 52]. Офицерам на воротниках и обшлагах мундиров введено особое золотое шитье в виде плетенки [Там же, с. 54]. Генералы

и офицеры в 1804 г. получили на воротниках фигурное серебряное шитье [Глинка, 1988, с. 56]. В январе 1808 г. генералам было дано особое шитье в виде золотых или серебряных дубовых листьев на воротнике, обшлагах и клапанах на карманах мундиров (см. рис. 8). Сукно под золотым шитьем красное у артиллеристов, у инженеров — черный бархат [Там же, с. 55].

В казачьей среде, судя по изобразительным источникам XVIII в. (портрет войскового судьи Д. И. Мартынова 1790 г.) [Гордеев, 2020], уже была плечевая распахная одежда с золотым шитьем, имеющая отдаленные аналогии с генеральским обмундированием. В начале XIX столетия в соответствии с регламентами с 1816 г. донская казачья артиллерия получила на свои мундиры золотой металлический «прибор» (шитье) [Глинка, 1988, с. 57].

Учет всех этих особенностей золотого шитья форменного военного обмундирования актуален и для территории юга Западной Сибири, поскольку Верхнее Приобье, включая целый ряд острогов (в том числе и Умревинский), принадлежало к ведомству Колывано-Воскресенских горных заводов [Мамсик, 2009, с. 5, 11]. В составе этого заводского ведомства с 1756 г. находились как регулярные, так и казачьи воинские части [Перегожин, 2009, с. 208]. На основании серии указов с 1761 по 1796 г. устанавливался красный цвет мундиров для учащихся, горных офицеров и чиновников Берг-коллегии. Вместе с тем следует упомянуть, что воспитанники Горного училища в конце XVIII в. имели форменные мундиры (портрет А. А. Турчанинова 1777 г., художник Л. С. Станишевский) с металлическим шитьем [Попов, 2016].

По данным письменных и картографических источников известны факты посещения некоторых верхнеобских острогов и их окрестностей артиллеристами и горными специалистами в XVIII — начале XIX в. В первом случае это инспекция и ремонт артиллерии Уртамского острога в 1746 г. штык-юнкером Красносельцевым [ГАНО. Ф. Д-104. Оп. 1. Д. 1. Л. 52]. Во втором случае составление унтер-шихт-мейстером Сургуновым в 1829 г. геометрического специального плана Ояшинской волости с Умревинским острогом и посельем.

Поиск аналогий из письменных источников для находки фрагментов и золотошвейной отделки детской одежды, сходной с мундиром рубежа XVIII–XIX столетий в некрополе на месте Умревинского острога, можно дополнить изобразительными данными, поскольку в русской живописи уже с XVIII в. детский портрет становится полноценным социальным конструктом [Веременко, 2015; Хахулина, 2017]. На таких полотнах воспроизводились дети в их взрослых социальных ролях, включая военную и другую служебную карьеру, в которой мундир играл важную опознавательную роль [Майборода, 2020, с. 28]. Для периода от конца первой четверти до 80-х гг. XVIII в. известна целая серия малолетних гвардейских нижних чинов [Леонов, 2019, с. 127, 175, 178, 192]. Исторически это было обусловлено рядом факторов. Во-первых, в петровское время был издан указ от 9 марта 1714 г. о начале воинской службы дворян с рядовых чинов. Этот «регламент» актуален не только до 30-х гг.

XVIII столетия, он был пролонгирован сенатским указом от 4 октября 1760 г. [Новицкая, 2011, с. 40]. Во-вторых, в рамках стремления обойти эти правила стали практиковаться записи детей дворян в определенные полки еще до их рождения¹ [Пушкин, 1969, с. 6; Леонов, 2019, с. 192]. Таким образом, к малолетству дворянские отпрыски уже приобретали офицерский статус и право на соответствующий мундир. Эта практика сохранялась какое-то время и после 1762 г., когда Петр III издал манифест «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству», согласно которому оно освобождалось от обязательной военной и гражданской службы, что было введено Петром I.

Рис. 8. Генеральское металлическое шитье конца XVIII в.

Для территории Западной Сибири в XVIII столетии русская форменная одежда была не только одним из признаков высокого социального статуса, но и атрибутом, активно переносимым местным населением в свою ритуальную

¹ «Матушка была еще мною брюхата, как уже я был записан в Семеновский полк сержантом, по милости майора гвардии князя Б., близкого нашего родственника. Если бы паче всякого чаяния матушка родила дочь, то батюшка объявил бы куда следовало о смерти нежившегося сержанта и дело тем бы и кончилось. Я считался в отпуску до окончания наук» (Пушкин А. С. «Капитанская дочка». Глава 1 «Сержант»).

сферу [Бауло, 2007]. В частности, это представлено в мундирчике детских пропорций из святилища Хурумпауль (Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа–Югры). Он был перешит по правилам потемкинской военной реформы 1786 г. [Бауло, 2014, с. 112, 113, рис. 130].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Наличие золотого шитья на верхней одежде в одном из детских погребений на месте Умревинского острога можно рассматривать как определенный хронологический признак. Шитье золотой «канителью» на форменной одежде появилось еще во второй половине XVIII столетия, но продолжает использоваться и в XIX в. Кроме деталей золотого шитья в детском погребальном комплексе был обнаружен фрагмент сутажного шнура, используемого при отделке мундиров в России еще с начала XVIII в. Фрагменты красных и черных нитей, сохранившиеся под металлическим шитьем мундира из некрополя Умревинского острога, более всего соответствуют красному артиллерийскому мундиру или мундирам горного ведомства, к которому в конце XVIII — начале XIX в. наряду с другими оборонительными пунктами Верхнего Приобья относился и Умревинский острог. Все это в целом позволяет интерпретировать такое младенческое захоронение на севере Верхнего Приобья как элитарный погребальный комплекс рубежа XVIII–XIX вв. Необходимо подчеркнуть, что на указанной территории традиция элитарных детских захоронений археологически прослеживается еще с эпохи раннего железа и Средневековья [Троицкая, 1989; Троицкая, Бородовский, 1990; Бородовский, 1984; 2018; Borodovskij, 2001]. В исторических условиях Нового времени в элитарных детских погребениях продолжает воспроизводиться будущая служебная карьера, а также проекция социального статуса, воинской или ведомственной принадлежности родителей захороненного ребенка. Такая культурная трансляция не случайно представлена на сельских некрополях, связанных с острогами. Эти оборонительные пункты являлись неотъемлемой частью инфраструктуры Российского государства в Верхнеобском регионе на протяжении всего XVIII и начала XIX столетий.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Архивные материалы

1. ГАНО (Государственный архив Новосибирской области). — Ф. Д-104. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 52.

Литература

1. Бабушкина, Н. В. Золотое шитье / Н. В. Бабушкина. — Москва, 2003. — 64 с.
2. Бауло, А. В. «Мундир» остяцкого божества / А. В. Бауло // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2007. — № 3. — С. 119–124.

3. Бауло, А. В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века : Этнографический альбом / А. В. Бауло. — Новосибирск, 2014. — 204 с.
4. Бородовский, А. П. Воздействие огня на деревянные сооружения Умревинского острога / А. П. Бородовский // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. — 2021. — Т. XXVII. — С. 371–376.
5. Бородовский, А. П. К вопросу о конструкции крыльца административно-жилого сооружения XVIII века в центральной части Умревинского острога / А. П. Бородовский // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». — 2020. — Т. 19, № 7. — С. 229–244.
6. Бородовский, А. П. Реконструкция одного из вариантов костюма племен Новосибирского Приобья (VI–VII вв.). Этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий / А. П. Бородовский // Тезисы докладов областной научной конференции по антропологии, археологии и этнографии. — Омск, 1984. — С. 131–134.
7. Бородовский, А. П. Элитарные детские погребения эпохи раннего Средневековья на верхней Оби и транскультурный предметный комплекс / А. П. Бородовский // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории : к 70-летию академика В. И. Молодина. — Новосибирск, 2018. — С. 230–243.
8. Бородовский, А. П. Умревинский острог (археологические исследования 2002–2009 гг.). / А. П. Бородовский, С. В. Горохов. — Новосибирск, 2009. — 242 с.
9. Валюс, А. Сутажная вышивка / А. Валюс. — Москва, 2012. — 94 с.
10. Веременко, В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX — начало XX в.) / В. А. Веременко. — Санкт-Петербург, 2015. — 203 с.
11. Глинка, В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века / В. М. Глинка. — Ленинград : Художник РСФСР, 1988. — 228 с.
12. Гордеев, А. А. История казачества / А. А. Гордеев. — Москва, 2020. — 640 с.
13. Горохов, С. В. Некрополь Умревинского острога / С. В. Горохов, А. П. Бородовский // Археология, антропология и этнография Евразии. — 2018. — Т. 46, № 2. — С. 123–130.
14. Ковтун, О. А. Церковное шитье в ризнице собора Святого Симеона Верхотурского (к вопросу о монастырских мастерских золотого шитья XIX века на Урале) / О. А. Ковтун // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». — 2017. — № 3. — С. 72–77.
15. Козлякова, Н. В. Художественная вышивка : орнаментальное золотое шитье / Н. В. Козлякова. — Магнитогорск, 2009. — 140 с.
16. Леонов, О. Г. Русский военный костюм. Гвардейская пехота XVIII века / О. Г. Леонов. — Москва, 2019. — 216 с.
17. Майборода, О. А. «Маленькие взрослые» : детский портрет XVIII века / О. А. Майборода // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. — 2020. — № 1 (66). — С. 26–32.

18. Мамсик, Т. С. Чаусское Приобье : население и хозяйство : опыт ретроспекций по материалам XVII–XIX вв. / Т. С. Мамсик. — Новосибирск, 2009. — 226 с.
19. Мультидисциплинарное исследование золотых и металлических нитей из погребений североселькупского могильника Кикки-Акки : предварительные результаты / О. Е. Пошехонова, Ю. А. Подосенова, А. С. Афонин [и др.] // Культура русских в археологических исследованиях : археология Севера России. — Омск ; Сургут, 2021. — Т. 1. — С. 352–358.
20. Новицкая, Т. Е. Поступление на государственную службу в середине XVIII в. / Т. Е. Новицкая // Вестник Московского государственного университета. Серия 11, Право. — 2011. — № 4. — С. 36–51.
21. Орфинская, О. В. Золототканая шаль Золотой Орды / О. В. Орфинская, О. Б. Лантратова // Поволжская археология. — 2014. — № 4 (10). — С. 146–153.
22. Пережогин, А. А. Ведомственный батальон кабинетских заводов Западной Сибири / А. А. Пережогин // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История, Политология». — 2009. — № 4/4 (64/4). — С. 208–212.
23. Попов, С. А. Мундир студентов и учащихся дореформенной России / С. А. Попов. — Москва, 2016. — 116 с.
24. Пушкин, А. С. Собрание сочинений : в 6 т. / А. С. Пушкин. — Москва, 1969. — Т. 4. — 478 с.
25. Сапрыкина, И. А. Предварительные результаты химико-технологического исследования золотых нитей из погребений Чудова монастыря Московского Кремля / И. А. Сапрыкина // Краткие сообщения Института археологии. — 2018. — Вып. 252. — С. 283–294.
26. Троицкая, Т. Н. Детские погребения VI–V вв. до н. э. — VII–VIII вв. н. э. в Новосибирском Приобье / Т. Н. Троицкая // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. — Новосибирск, 1989. — С. 59–68.
27. Троицкая, Т. Н. Погребения младенцев в курганах VII в. н. э. в Новосибирском Приобье (к вопросу об этнокультурных контактах и идеологии) / Т. Н. Троицкая, А. П. Бородовский // Мировоззрение финно-угорских народов. — Новосибирск, 1990. — С. 149–162.
28. Хахулина, Г. Э. Детский портрет в русской живописи XVIII века / Г. Э. Хахулина // Международный научно-исследовательский журнал. — 2017. — № 12 (66). — С. 22–24.
29. Яковчик, М. С. Текстильные изделия с золотыми нитями на территории Древней Руси X–XI вв. / М. С. Яковчик // Stratum Plus. — 2017. — № 5. — С. 347–360.
30. Borodovskij, A. P. Fruhmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am Oberen Ob', Sibirien / A. P. Borodovskij // Eurasia Antiqua. — 2001. — Band 7. — P. 569–584.